

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Альфредо Бонанно

Вооруженная радость

Альфредо Бонанно
Вооруженная радость
1977

Перевод А. Бренера и Б. Шурц. Впервые опубликовано в сборнике «На
ножах со всем существующим», Умопомрачительный самиздат, Рига, 2006
Сохранено 15 сентября 2011г. из a-read.narod.ru

1977

и камнями — объявим войну обществу!

—Дежак

Хватит ждать, довольно сомневаться. Покончим с мечтами о социальном мире, отбросим компромиссы и наивности. К чёрту весь «поэтический» мусор, которым снабжают нас магазины капитала. Забудем великие анализы, объясняющие всё до последней детали. Отшвырнём тома, переполненные мудростью и страхом. Похерим демократические мифы диалога и диспута. Наплюём на грандиозные смыслы, которые зарыла в наши головы рабочая этика буржуазии. Отбросим покорность и жертвенность, вбитые в наши сердца веками христианства. Рассмеёмся над жрецами, боссами, революционными вождями, не-совсем-революционными президентами и совсем-не-революционными менеджерами. Уничтожим иллюзию количества, законы рынка, «правила» подчинения, полицейскую вежливость, скуку ежедневного прозябания, ложь смирения. Сядем на руинах истории — истории восставших и преследуемых, взбунтовавшихся и подавленных. Подумаем.

Этот мир нам не принадлежит. Если и есть у него хозяин, безмозглый настолько, чтобы наслаждаться своими владениями, пусть ими наслаждается. Пусть посчитает свои руины — пепелища на месте строений, кладбища на месте городов, гнусную слякоть на месте рек, вонючую слизь на месте морей.

Нас больше не очаровывают фокусники с их дешёвыми трюками. Нас не прельщает балаган хищных иллюзионистов.

Мы знаем, что сообщества радости возникнут здесь и сейчас. Мы знаем, что они родятся из нашей борьбы.

И впервые жизнь восторжествует над смертью.

Оглавление

К сведению читателя	5
Введение	5
1.	7
2.	9
3.	13
4.	18
5.	22
6.	26
7.	29
8.	35
9.	37
10.	41
11.	45

научиться различать между сумасшествием и сумасшествием.

Радость вооружается. Её атака преодолевает товарную галлюцинацию, кошмарную машинерию, логику мести, икону вождя, фикцию партии, иллюзию количества. Её борьба разрушает архитектуру рынка, идеологию прибыли, программирование жизни. Её вспышка уничтожает последний документ в последнем архиве. Её нападение опрокидывает порядок зависимости, номенклатуру позитивного и негативного, код власти, законы эксплуатации, структуры прозябания.

Однако переход из мира смерти в мир радости нелёгок. Вещи и их значения в этих мирах не совпадают. То, что считается иллюзией в мире радости, есть непреложная реальность в мире смерти, и наоборот. Физическая смерть пугает в мире смерти больше, чем ничтожество жизни. В мире радости смерть при жизни страшнее физического небытия.

Капитал пользуется этим и старается мистифицировать послания радости. Революционеры количества тоже не могут понять радость в её глубине. Повторяя имя радости, они движутся по дороге смерти.

Только выявив подлинные значения радости и смерти — двух противоположных миров — можем мы научиться действовать в модусе радости и передавать наши действия другим. И при этом не стоит обманывать себя: «успех» нам не обеспечен. Но не существует ничего иного, кроме продвижения по пути радости, который одновременно есть путь атаки.

Сова ещё может взлететь.

11.

Вперёд все! С решимостью и открытым сердцем, со словом и кинжалом, со смехом и проклятьями, с ядом и огнём, с пером

ни для товарной системы. Это отсутствие производительности без её отрицания. Псих не должен работать. Не работая, он подтверждает, что работа — мудрость и благо, а неработа — несчастье.

Когда мы говорим, что время не созрело для вооружённой атаки на государство и капитал, мы открываем двери психушки для тех товарищей, которые уже атакуют; когда мы говорим, что ещё слишком рано для революции, мы натягиваем на атакующих смирительную рубашку; когда мы утверждаем, что атака является провокацией, мы влезает в белые халаты новых инквизиторов.

Во времена, когда число противников системы было не слишком велико, боссам хватало крупной картечи. Две дюжины убитых? Это не цифра! Тридцать тысяч? Окей. Сто тысяч, двести тысяч? Это уже угрожает гармонии спектакля. И тут наркотики и «лекарства» оказались весомее пуль. Кроме того, они «нейтральнее». У них есть алиби — они терапевтичны.

Пусть же вся эта наука о сумасшествии будет брошена капиталу в лицо. Общество — одна гигантская психушка. Пусть безумие застрянет в глотке боссов.

Нейтрализация индивида — постоянная практика системы. Выравнивание мнений и взглядов — терапевтический процесс, машина смерти капитала. Производство в своей спектакулярной фазе немислимо без нейтрализации и выравнивания. И если отказ от всего этого, выбор радости и индивидуальности перед лицом смерти есть знак сумасшествия — пусть кретины выбирают нормальность.

Весь аппарат западной культурной традиции — машина смерти, отрицание реальности, господство фикции, накопление позора, несправедливости, эксплуатации и геноцида. И если отказ от этой логики — сумасшествие, что ж, нам пора

К сведению читателя

В настоящее время [2006г.] Альфредо Бонанно и некоторые другие итальянские повстанческие анархисты находятся в тюрьме. В 1996 году шестьдесят человек были арестованы в Италии по обвинениям в убийстве, вооружённом грабеже, похищении людей и хранении оружия. Позднее все эти обвинения были сведены в одно — о принадлежности к вооружённой подпольной анархистской организации, предполагаемым лидером которой был Бонанно. Однако данное обвинение не сработало. Вскоре был организован новый процесс. В конечном итоге в апреле 2004 года 7 повстанческих анархистов были признаны виновными по тяжёлым уголовным статьям. Альфредо Бонанно получил 6 лет тюрьмы, Анжела Мария Ло Веккио — 15 лет, Орландо Кампо — 10 лет и Карло Тессери — 3 года и 9 месяцев. Два других товарища, Грегориан Гараджин и Франческо Порку, уже находясь в заключении по другим обвинениям, получили соответственно 30 лет и пожизненный срок в тюрьме. Роза Анн Скрокко, приговорённая к 30 годам, в настоящее время скрывается от итальянских властей.

Введение

Эта книга была написана в 1977 году на пике революционной борьбы, развернувшейся тогда в Италии. Нынешняя ситуация — совершенно иная, и сегодняшнему читателю следует об этом помнить.

В тот момент революционное движение, включая анархистов, было на подъёме, и всё казалось возможным, вплоть до предельного расширения вооружённого конфликта.

Тогда-то и следовало защитить себя от опасности милитаризации и специализации революционной схватки. Опасность эта исходила от меньшинства, пытавшегося навязать вооружённую стратегию десяткам тысяч товарищей, которые всеми возможными средствами боролись против репрессий, а также против попытки государства — честно говоря, довольно слабой попытки — реорганизовать капитал.

Таково было положение дел в Италии, но нечто похожее происходило и в Германии, и во Франции, и в Великобритании, и в других местах.

Стало очевидным, что многочисленные действия, осуществляемые товарищами против структур и представителей власти в ходе ежедневной борьбы, не могут уместиться в логику вооружённой партии — логику, предложенную и утверждаемую в Италии Красными Бригадами.

Таков дух этой книги. Показать, что дело освобождения и разрушения — радостное и буйное творчество, а вовсе не мрачная и дисциплинированная политика специалистов революции.

Отдельные проблемы, поставленные здесь, уже сняты. Они были решены тяжёлыми уроками истории. Крах реального социализма показал, чего стоили управленческие амбиции марксистов. В то же время уничтожение социалистического лагеря вовсе не подавило желание свободы и анархии. Напротив, это желание неотвратимо расширяется, особенно среди молодёжи, хотя и не всегда согласуясь с традиционными символами и теориями анархизма.

Сегодня эта книга снова стала ключевой, но уже по другой причине. Не как критика доктринальной и авторитарной вооружённой структуры, которой больше нет, но как выявление могучей и радостной способности индивида к разрушению всего, что его угнетает или ограничивает.

бдительных слуг общества в белых халатах.

Капитал программирует массовое сознание, которое уже в ближайшем будущем не сможет воспринимать коды революционного поведения. Общественное мнение научится рассматривать тех, кто атакует боссов, как опасных сумасшедших. И мысль упрятать этих буйнопомешанных в специальные заведения покажется самоочевидной. Тюремны также будут рационализированы по немецкой модели. Сначала они превратятся в особые тюрьмы для революционеров, затем в модельные тюрьмы, затем в спецлагеря для умственной обработки и, наконец, в ментальные клиники и приюты.

Действия капитала диктуются не только необходимостью оградить себя от бунта эксплуатируемых. Они также продиктованы логикой товарного производства.

Для капитала психушка или приют — это места, где тотальность иллюзорного функционирования прерывается. Тюремны претендовали на эту роль, но unsuccessfully, поскольку воспроизводили идеологию социальной ортопедии и производства.

Психушка, наоборот, не имеет ни начала, ни конца. Это пространство, где изменчивость спектакля сводится на нет. Психушка — место глубокой тишины.

Другое тихое место — кладбище — умеет говорить громко. Мёртвые разговаривают. Наши мертвецы говорят даже чересчур громко. Их речи могут быть тяжёлыми, почти непереносимыми. Вот почему капитал старается свести число таких мертвецов к минимуму. И соответственно растёт количество «гостей» в психушках. «Родина социализма» кое-чему научила капитал в этом отношении. Передача опыта тут не останавливалась ни на минуту.

Психушка — наилучшая терапевтическая рационализация свободного времени, идеальная приостановка рабочего време-

ящик, восторжествует назло всем сторонникам перемирия. Пусть сова полетит.

Капитал оставил последнее слово белым халатам. Врачи будут врачевать «недуги» общества. Тюремь устареют, как корсеты или подтяжки. Остроги прошлого, высящиеся ещё в воображении нескольких экзальтированных мракобесов, канут в небытие вместе с идеологией социальной ортопедии. Лишь воспоминание останется о каторжниках и камерах смертников. Криминализация — бедная дочь капитала — будет перевоспитываться в новых институтах. Брутальные методы подвергнутся дальнейшей рационализации. Врачи займут место судей.

Когда вся реальность превращается в иллюзию, отказ от иллюзии означает выход за пределы реальности. Не хочешь быть товаром — становись «дураком». Не хочешь поклониться богу рынка — отправляйся в сумасшедший дом.

Обработка там будет радикальной. Уже никаких пыток в стиле инквизиции, никакой крови на стенах — такие вещи омрачают общественное мнение. Они заставляют ханжей вмешиваться, вызывают раздражение и возмущают гармонию спектакля. Нет, не это. Тотальное уничтожение персональности — вот что будет считаться наилучшим снабдьём для «больных» душ. И это уже никого не расстроит. Люди на улице, в супермаркете, в кино или галерее — одним словом, в невозмутимой атмосфере спектакля — и думать не думают о существовании психбольниц. Мир сумасшествия для них — далёкий и призрачный мир. А между тем психушка есть рядом с каждым заводом, напротив каждой школы, за каждым парком, в центре любого микрорайона.

Мы должны быть абсолютно безмятежны в нашей критической недееспособности, чтобы не вызывать подозрений у

Я должен заметить, что книга эта была запрещена в Италии. Верховный Суд постановил сжечь её. Все библиотеки, хранившие её экземпляры, получили специальный циркуляр от Министерства Внутренних Дел с приказом подвергнуть её уничтожению. Некоторые библиотекари, однако, открыто не подчинились государственному постановлению, полагая, что сожжение книг — дело нацистов и инквизиторов, а не библиотечных хранителей. Был также наложен запрет на дистрибуцию этой книги в Италии. При обысках и облавах она конфисковывалась у товарищей.

Я получил 18 месяцев тюрьмы за написание этой книги.

Альфредо Мария Бонанно, Катанья, 14 июля 1993

1.

В Париже, в 1848 году, революция была праздником без начала и конца.

—Бакунин

Отчего же, Солнце свидетель, те ребята стреляли по ногам Монтанелли? Разве не лучше было бы прикончить его выстрелом в рот?

Возможно, и так. Однако это было бы и тяжеловеснее. Мрачнее, угрюмее. Покалечить же гада имело более глубокий и сокровенный смысл — по ту сторону мести, за рамками наказания. Вот они и подстрелили его, фашистского журналиста и лакея боссов. Весёлые парни!

Покалечить — значило заставить его хромать, а тем самым — помнить. Покалечить — отличное, умное предприятие, не то что стрелять в рот и глядеть, как куски мозга разлетаются через глазницы.

Товарищ, ты, что каждое утро в сером тумане бредёшь в клоаку фабрики, или ныряешь в нутро офиса, чтобы узреть там те же хари: прораб, гнусный надсмотрщик, шпионящий за каждым мгновением, стахановец-с-семью-выблядками-заморышами, которых нужно кормить-поить, начальник, урод-соглядатай. . . Ты, товарищ, чувствуешь необходимость революции, борьбы, физического столкновения, может быть, даже смертельного. Но вместе с тем ты знаешь, как нужны тебе радость, восторг, восхищение — прямо сейчас, здесь, на месте. И ты вынашиваешь эту радость в своём воображении, когда идёшь, склоня голову в тумане, или часами стоишь в электричке, в трамвае, когда задыхаешься в белом чаду офиса — во всех этих отделах и отсеках гигантского механизма капитала.

Сфабрикованная радость: выходные, праздники, ежегодные отпуска, разрешённые и оплачиваемые боссами — не что иное, как любовь за деньги. Это ли любовь, друг? Сотни теорий, собранных под цветными обложками, брошюры, революционные издания. . . Ты должен делать то и это, товарищ, видеть вещи так и эдак, как повелел один или другой авторитет. Вот они — учёные, писатели, мудрецы — подлинники знатоки и толкователи, люди с большой буквы, их имена — на гнетущих томах и газетных разворотах. . .

Сама необходимость держать эти тома под рукой, в памяти, на полке — часть общей литургии. Не знать их, говорят тебе, — ошибка, подозрительное невежество. Их следует иметь при себе, на всякий случай. Иногда, поскольку тома тяжелы, ими можно припугнуть непослушных. Это называется: здоровое, хотя и не новое, утверждение весомости революционных текстов прошлого (и настоящего).

В этих томах нет ничего, относящегося к радости. Суровость монастыря сродни той атмосфере, которая окутывает эти стра-

нам навязать капиталистическое производство.

«Делай всё сам». Не губи важнейший аспект игры, сводя людей к ролям. Защищай своё право на наслаждение жизнью. Разрушай проект капиталистической смерти. Капитал только и мечтает о том, чтобы превратить играющих в «игроков», живущего — в мёртвую душу, не различающую, где жизнь, где смерть.

Не имело бы никакого смысла говорить об игре, если бы «мир игры» стал централизованным. Мы должны предусмотреть следующую возможность: капитал захватывает революционную идею «вооружённой радости». Он захватил уже и уничтожил немало освободительных идей. Как это может произойти на сей раз? Через управление миром игры снаружи. Капитал распределяет роли игроков и создаёт «мифологию игрушки».

Централизация — враг. Только разрушив централизованную структуру (военнизированной партии), мы сможем смутить и запутать капитал. Действие, руководимое радостью — загадка для боссов. Оно для них — ничто. Нечто без явной цели, расчёта, идеологии. Нечто вне реальности. И это так потому, что реальность самого капитала иллюзорна.

Разрушение боссов есть разрушение товаров, и разрушение товаров есть разрушение боссов.

10.

Сова убегает

—Афинская поговорка

«Сова убегает». Пусть дело, начатое плохо, кончится хорошо. Пусть революция, отложенная революционерами в долгий

и абсолютное. Не случайно автомат стал символом многих боевых революционных организаций.

Мы должны оказаться по ту сторону всего этого, чтобы войти в революционное измерение радости. Пора избавиться от мифологизированных объектов и других ловушек товарного спектакля.

Капитал совершает своё последнее усилие, отвечая на вооружённую борьбу. Он укрепляет свою последнюю границу. Ему необходима поддержка «общественного мнения», чтобы действовать там, где он не вполне уверен в своих силах. И он развязывает психологическую войну, используя все средства современной пропаганды.

Нынешняя организация капитала делает его уязвимым для любой революционной структуры, способной самостоятельно решать, какие средства, время и место избрать для атаки. Капитал сознаёт свою слабость и старается её компенсировать. Полиция недостаточна. Армия тоже недостаточна. Капитал надеется на интеллектуалов. Он подключает учёных. Он взывает к бдительности «простых людей». Он поворачивается к наиболее вялой части пролетариата. Но чтобы иметь успех, капитал должен расколоть классовый фронт. И вот он распространяет среди бедных новый миф об опасности вооружённых организаций, повторяя при этом старые байки о святости государства, семейного очага, детства, моральности, закона и свободы. Пропаганда и спектакль, древняя ложь и современные технологии действуют как одно целое.

Чтобы вырваться из магического круга товарного спектакля, нам нужно отказаться от всех ролей, включая роль «профессионального революционера».

Вооружённая борьба не может быть чем-то «профессиональным» именно потому, что разделение задач — это то, что хочет

ницы. Их авторы — жрецы революции, проповедники мести и наказания — проводят своё время, взвешивая на весах духов порицания и воздаяния.

Более того, эти весталки — в сюртуках ли, в джинсах ли — кичатся целомудрием, чего ждут и от адептов своих. Ещё они требуют вознаграждение за свои жертвы. Сперва они отринули комфортабельные окрестности своего классового происхождения, потом они поставили свои выдающиеся способности на службу неимущим. Они выросли и состарились, пережёвывая чужие слова и втайне страдая от одного вида грязных скатертей и неубранных постелей. Так что теперь, товарищ, ты обязан их слушать и им подчиняться.

Они мечтают об упорядоченных революциях, аккуратно скроенных принципах, анархии без пыли и встряски. Если же вещи складываются иначе, они принимаются выкрикивать критические лозунги, становясь достаточно шумными, чтобы быть услышанными полицией.

Революционеры — благочестивый народ. Революция — нет.

2.

Кошку я называю кошкой.

—Буало

Мы все озабочены революционной проблемой «как и что производить», но никто не замечает, что сама идея производства — революционная проблема.

Если производство коренится в капиталистической эксплуатации, то изменить модус производства означает лишь изменить модус эксплуатации.

Кошка, даже если её покрасить красной краской, всё равно останется кошкой.

Производитель свят. Руки прочь от него. Освятим его жертву во имя революции.

«А что мы будем есть?» — спрашивают озабоченные граждане. «Хлеб и лебеду» — отвечают реалисты, одним глазом косясь на кастрюлю, а другим на ружьё, «Идеи!» — утверждают запутавшиеся идеалисты, одним глазом упёршись в книгу волшебств, а другим — в род человеческий.

Всякий, кто затрагивает производство, влипает.

Капитализм и те, кто против него, усаживаются рядышком на трупе производителя, но производство должно продолжаться во что бы то ни стало.

Критика политической экономии есть рационализация модуса производства с наименьшими потерями (для тех, кто привлекает наибольшую выгоду из всего этого). Все остальные, то есть те, кто страдает от эксплуатации, должны заботиться, чтобы всем всего хватало. Иначе как мы будем жить?

Когда сын тьмы выходит на свет, он так же ничего не видит, как если бы продолжал обшаривать потёмки. Радость ослепляет его. Она его убивает. И тогда он говорит: «Это — галлюцинация!», и приговаривает её к небытию.

Дряблый жирный буржуа простирается в роскошной праздности. Из этого делается вывод: радость грешна.

Радоваться — это разделять чувства буржуа; радоваться — это предавать производителя, иначе говоря, пролетариат.

Глупости. Буржуа делает всё от него зависящее, чтобы процесс эксплуатации продолжался. Он постоянно в стрессе и никак не найдёт времени для радости. Его круизы — поиски новых возможностей для капиталовложений, его возлюбленные — пятые колонны для получения информации о конкурентах.

никновению произвольных значений, придаваемых ей. В отсутствии коммунистической базы индивиды могут навязывать игре собственные правила и смыслы, непонятные и чуждые другим. Превращая игру во временную приостановку своих тягот (работы, отчуждения, эксплуатации), люди убивают её.

В коммунистической согласии игра обогащается пересечением взаимных действий. Творчество выигрывает при встрече освобождённых воображений. Каждое новое изобретение, каждая иная возможность переживаются коллективно без заранее сконструированных моделей.

Традиционная революционная организация обычно кончает тем, что навязывает свои техники всем и каждому. Она неизбежно движется к технократии. Особое значение, придаваемое механическим аспектам, ведёт к власти инструмента.

Революционная структура, стремящаяся к переживанию радости и разрушению власти, рассматривает инструменты, которыми она пользуется в борьбе, всего лишь как инструменты. Люди, использующие инструменты, не должны стать их рабами. Точно так же те, кто не знает, как пользоваться инструментами, не должны стать рабами тех, кто знает.

Диктатура инструмента — наихудшая из всех диктатур.

Главные орудия революционера — его совесть, его готовность на действие, то есть его решимость, его индивидуальность. Оружие само по себе — всего лишь набор инструментов и, как таковое, должно постоянно подвергаться критической переоценке. Мы слишком часто оказываемся свидетелями поклонения пулемёту.

Вооружённая борьба не основывается на оружии. Оружие не заполняет революционное измерение. Тупо сводить всё к оружию. Игра, однако, включает в себе этот риск. Она может превратить жизненный опыт в игрушку, в нечто магическое

Идея количества довлеет над ними, мешая совершить качественный скачок в измерение радости.

Подобные организации рассматривают вооружённую атаку в чисто количественном свете, и задачи решаются в терминах фронтального столкновения.

Так капитал оказывается способным контролировать многое. Он может позволить себе роскошь принять противоречия, выявить сценические элементы, использовать негативные эффекты, чтобы ещё более расширить спектакль. Капитал готов принять атаку в количественном ракурсе, потому что он предвидит здесь все ходы. У него монополия на правила и он принимает главные решения.

Напротив, революционное действие в модусе радости бесконтрольно и заразительно. Оно расширяется, как пятно нефти. Играющая атака обрушивается на реальность и расшевеливает её. Это совершенно не предусмотрено в модели, которая давит сверху. Игра сверкает тысячами значений, но все они лишены стабильности, и это смущает власть. Внутренние связи игры в момент атаки разрываются. Но общий смысл сохраняется — смысл, который игра имеет для исключённых, для эксплуатируемых. Решившие вступить в игру с самого начала и наблюдающие освободительные эффекты игры — все получают от игры первоклассное удовольствие.

Сообщество радости структурируется следующим образом. Это — мгновенная готовность вступить в контакт, фундаментальная для самых глубоких слоев игры. Игра — коммунитарное действие. Она редко обнаруживает себя как изолированный факт. Если же это случается, то в игре появляются отрицательные элементы психологической репрессии. Они подрывают игру — креативный стержень борьбы.

Именно коммунитарная сущность игры препятствует воз-

Бог производства убивает даже самых преданных своих рабов. Отрывает им головы, и вот: лишь поток нечистот вырывается оттуда.

Голодные пестуют раздирающее их чувство мести при взгляде на тучных и изобильных. Враг должен быть повержен и уничтожен. Это само собой. Но сохрани, раб, свою добычу. Богатство не следует распылять, им следует пользоваться. Не важно, что это, откуда пришло и куда ведёт. Что важно, так это сам захват, и чтобы каждый мог воспользоваться захваченным.

Каждый? Ну да, каждый.

И как же это случится?

Путём революционного насилия.

Недурной ответ. Но в самом деле, чем же мы займёмся после того, как отрубим столько голов, что нам это наконец надоест? Чем мы займёмся, когда избавимся от всех хозяев, даже тех, которых нам придётся искать с фонарями?

А вот тогда и придёт господство революции. Каждому по его потребностям, от каждого по его способностям.

Слышишь, товарищ?! Обоняешь дух бухгалтерии? Речь пошла о потреблении и производстве. Мы всё ещё в измерении продуктивности. Арифметика сообщает чувство безопасности. Два плюс два получается четыре. Кто же станет оспаривать эту «истину»? Числа правят миром. Если так было прежде, почему бы этому не продлиться вечно?

Нам всем необходимо что-нибудь солидное. Прочное. Камни для построения стены, которая защитит нас от импульсов, способных разрушить каждого. Мы нуждаемся в объективности. Босс молится своему кошельку, крестьянин своей лопатой, революционер — своему ружью. Но дайте проникнуть во всё это лучу критики — и блестящая постройка обратится в прах.

В своей тяжёлой объективности ежедневный мир обрабаты-

вает и воспроизводит нас. Мы все дети ежедневной пошлости. Даже когда мы говорим о «серьёзных вещах» вроде революции, наши глаза по-прежнему прикованы к календарю. Босс страшится революции, потому что она лишит его богатства, крестьянин её делает, чтобы получить кусок земли, революционер — чтобы испробовать свою теорию.

Если проблема рассматривается в таких терминах, то никакой разницы между кошельком, землёй и революционной теорией нет. Всё это оказывается чем-то «воображаемым», а точнее — зеркалами человеческих иллюзий.

Лишь борьба реальна.

Она отличает босса от крестьянина и устанавливает связь между последним и революционером.

Формы организации, которые принимает производство, — идеологические машины, выстраивающие иллюзорную социальную идентичность: рабочий, инженер, дизайнер. . . Эта идентичность проецируется на иллюзорный экономический концепт ценности. Социальный код устанавливает его интерпретацию. Боссы контролируют часть этого кода, что наглядно проявляется в феномене консумеризма. Технологии психологической войны и тотальной репрессии вносят свою лепту в усиление идеи, что человек — лишь тот, кто производит.

Другие части кода могут быть модифицированы. Они не подвергаются революционному изменению, но просто перестраиваются время от времени в соответствии с запросами текущей иллюзии. Сравните, например, сегодняшний массовый консумеризм с потреблением роскоши в прошлом.

Существуют и более изощрённые формы иллюзии, скажем, самоорганизованный контроль производства. Не более, чем ещё один компонент кода эксплуатации.

И так далее. Любой, кто хочет организовать мою жизнь за

Только борьба не может быть поглощена. Отдельные её формы, отлившись в строгие организационные структуры, кончат тем, что вольются в иллюзию. Но выбравшие игру и отказавшиеся от идеологии производства, сохраняют себя для жизни.

На повестке дня — атакующая игра революционных сил против гигантской безжизненной иллюзии игры капитала.

9.

Делай всё сам!

— *Bricoleur* - карманная партизанская энциклопедия

Это просто. Ты можешь всё сделать сам. В одиночку или с несколькими верными товарищами. И никаких сложностей. Не требуется даже особых технических знаний.

Капитал уязвим. Всё, что нужно — это решимость.

Болтовня отупляет. Речь даже не о страхе. Мы не боимся, мы просто полны идиотскими, сфабрикованными идеями, от которых не так-то легко освободиться.

Человек, решившийся на действие — не смельчак, не исключение. Это просто индивид, прояснивший для себя вещи, пришедший к выводу, что бессмысленно и убого играть ту роль, которую ему предназначила система. Полностью в своём уме, он переходит в атаку с блистательной решимостью. Совершая действие, он попросту осуществляет себя. Он переходит в состояние радости. Царство смерти рассеивается перед глазами, как дым. Сея разрушение и ужас во владениях боссов, он утверждает радость и покой в своём сердце и в сердцах угнетённых.

Революционные организации не понимают этого. Они следуют модели, которая воспроизводит реальность производства.

— ужасу. Наоборот, это столкновение радости и ужаса, радости и трагедии, радости и смерти.

Чтобы убить полицейского, не нужно натягивать мантию судьи, только что очищенную от крови предыдущих приговоров. Суды и приговоры — обязательная часть спектакля капитала, даже если в судейских париках восседают революционеры. Когда убивают полицейского, его вину не взвешивают на весах, и столкновение не является арифметической задачей. Не стоит программировать, как должны развиваться отношения между революционным движением и эксплуататорами. Нужно лишь осознать на непосредственном уровне ту потребность, которая существует внутри революционного движения и которую никакие анализы не могут отрицать. Эта потребность говорит: убить полицейского!

Это — потребность в атаке на врага. Это — необходимость нападения на эксплуататоров и их лакеев. Потребность эта созревает медленно в глубинах движения. Сначала она существует на индивидуальном уровне, и это уже — великое завоевание. Затем она выходит на свет, и оборонительная фаза кончается. Движение переходит в наступление.

Есть в истории моменты, когда знание кристаллизуется в головах тех, кто борется. Нужда в толкователях истины пропадает. Вещи проявляются в своей наготе. В силу вступает реальность борьбы, и борьба сама производит теорию.

С переходом капиталистического производства в спектакулярную фазу товарная форма распространилась на всё существующее: на любовь и науку, на чувства и сознание. В этой фазе капитал пожирает всё, включая революцию. Если последняя не порвёт окончательно с моделью производства, если будет выдвигать «альтернативные формы» и т. п., система проглотит её и не поперхнётся.

меня, никогда не станет моим товарищем. Если же некто попытается оправдать это тем, что «ведь кто-то в любом случае должен производить, а иначе мы перестанем быть человеческими существами и будем захвачены дикой природой», мы ответим ему: отношение «человек - природа» является продуктом просвещённой марксистской буржуазии. Почему они хотели превратить саблю в вилы для сена? Почему человек должен постоянно стремиться отличаться от природы?

3.

Человек, если он не посвящает себя необходимому, связывает себя с бесполезным.

—Гёте

Человек нуждается во многих вещах.

Это утверждение обычно означает, что у человека множество нужд, которые он обязан удовлетворить.

На этом пути люди превращаются из исторически обусловленных единиц в дуальности (средства и цели одновременно). Они осуществляют себя через удовлетворение своих нужд (то есть через работу), становясь инструментами своего собственного осуществления.

Каждый может обнаружить, сколько мифологии скрывается в таком положении. Если человек отличает себя от природы через работу, как может он осуществить себя в удовлетворении своих нужд? Чтобы сделать это, он уже должен стать «человеком», то есть, дабы удовлетворить свои нужды, он должен перестать работать.

Товары имеют глубоко символическое значение. Они становятся точкой референции, единицей измерения, обменной сто-

имостью. Здесь начинается спектакль. Роли распределяются и воспроизводят себя до бесконечности. Актёры продолжают играть свои роли без особых модификаций.

Удовлетворение нужд становится не более чем рефлексом, маргинальным эффектом. Что происходит, так это превращение людей (а заодно и всего остального) в «вещи». Природа становится «вещью». Используемая, она коррумпируется, а вместе с ней и человеческие инстинкты. Пропасть открывается между природой и человеком. Она должна быть заполнена, и расширение товарного рынка этим занимается. Спектакль разрастается до точки самопожирания вместе со всеми своими противоречиями. Сцена и публика становятся одним измерением, обещая всё новые и новые развлечения — в рамках всё того же спектакля, разумеется.

Каждый, кто не следует товарным кодам, не овеществляется, и выпадает «по ту сторону» спектакля. В таких тычут пальцем. Их окружает колючая проволока. Если они отказываются от универсальной или «альтернативной» кодификации, их криминализируют. Ну да — они безумны! Это запрещено — отказываться от иллюзий — в мире, который утверждает реальное на иллюзорном, конкретное на абстрактном.

Капитал организует спектакль в соответствии с законами накопления. Но ничто не может накапливаться до бесконечности (даже сам капитал — количественный процесс, возведённый в абсолют; количественная иллюзия, если быть точным). Боссы это прекрасно понимают. Эксплуатация принимает разные формы и создаёт новые идеологические модели именно для того, чтобы обеспечить накопление на качественно разных путях, поскольку количественный процесс не может длиться вечно.

То, что всё это становится парадоксальным и иллюзорным,

освобождает»!

Торопись играть! Торопись вооружаться! Торопись радоваться!

8.

Не бывать революции, пока казаки не спешатся.

—Либертад

Игра становится туманной и противоречивой, когда входит в логику капитала. Последний использует её как часть товарного спектакля. Тут игра приобретает двусмысленность, ей вполне чуждую. Эта двусмысленность связана с иллюзорностью капиталистического производства. Игра делается приостановкой производства, «мирной» паузой в ежедневной рутине. Она программируется и сценически используется системой.

Находясь вне владычества капитала, игра следует собственным творческим импульсам. Она не подчиняется перформативным требованиям производства, но развивается автономно. Только в этом случае игра обретает веселье, только здесь она приносит радость. Игра уже не «приостанавливает» терзания, вызванные капиталом, но полностью реализует себя, становясь жизнью. Так она противостоит трюкам смерти-через-игру, то есть иллюзии, пытающейся сделать уныние менее унылым.

Противники смерти восстают против мифического господства иллюзии. Господство это, хамски претендуя на вечность, на самом деле влачится в пыли барака. Радость возникает от разрушения всего этого. Паутина смерти исчезает в трагическом воздухе, присущем разрушительной игре. Но трагедия здесь не противопоставляется трагедии, смерть — смерти, ужас

ного движения. Смех превращается в оружие. Ирония — тоже. Не ирония писателя, запертого в кабинете, но ирония бунта, улицы. Не одни лакеи оказываются в затруднительном положении, но и революционные вожди прошлого и настоящего. Мелкие боссы и целые организации пребывают в смущении. Анафема! Что происходит? Единственная легитимная критика должна согласовываться со старыми правилами и рецептами, а тут царит хаос! Куда подевалась историческая традиция классовой борьбы? Опять провокация! Всюду азефы!

Людям надоели чаепития, болтовня, классики, бессмысленные марши, демонстрации, пикеты, заседания, теоретические дискуссии, расщепление волоса на четыре части, монотонность и нищета политических анализов, обкуренные помещения, тусклый свет, слабоумные прения, никчёмные споры. Они предпочитают заниматься любовью, гулять, спать, смеяться, играть, убивать полицейских, калечить журналистов, нападать на судебных чиновников, плевать на интеллектуалов, взрывать казармы. Анафема! Борьба лишь тогда легитимна, когда она утверждена вождями движения! А тут камни и бутылки! Ситуация вне контроля! Опять провокация!

Торопись, товарищ! Стреляй в полицейского, в судью, в босса! Не откладывай на потом, а то новая полиция тебя остановит.

Торопись сказать, выговориться! Здесь и сейчас, скорее! До того, как новая репрессия заткнёт тебе рот, заставит тебя думать, что говорить бессмысленно, безумно, опасно. Говори, кричи — до того, как тебя обнимет гостеприимство психушки.

Торопись атаковать! Действуй! Нападай на капитал, разрушай его — до того, как новая идеология сделает его твоим домом, святилищем, храмом!

Торопись, товарищ! Уйди, откажись от работы, забрось эту дрянь — до того, как новый софист внушит тебе, что «труд

ничуть не вредит капиталу; напротив, парадоксальность и правит балом. Если мы можем выдать иллюзию за реальность и нажиться на этом — значит, мы на коне. Пусть всё так и продолжается до конца дней. Эксплуатируемые оплачивают счета. Так что это им надлежит выявить обман и распознать реальность. Для капитала же величайшее в мире фокусничество — закон и норма.

Эксплуатируемые чуть ли не сами лезут в капкан. Они привыкли к своим цепям и даже сроднились с ними. Время от времени они предаются мечтам о восхитительных бунтах и кровопролитиях, а потом дают околдовать себя речам новых политических вождей. Революционная партия углубляет и расширяет иллюзорную перспективу капитала до таких фантастических горизонтов, каких сам капитал никогда бы не достиг.

Количественная иллюзия расширяется.

Эксплуатируемые присоединяются, пересчитывают самих себя, убеждают себя в своей силе. Яростные лозунги заставляют сердца буржуазии биться сильнее. Чем внушительнее числа, тем горделивее вожди гарцуют вокруг своих толп, тем более требовательными и неприступными они становятся. Стратеги разрабатывают грандиозные программы завоевания власти. Новая власть готовится утвердить себя на останках старой. Бессмертная душа Бонапарта расплывается в удовлетворённой усмешке.

Само собой, великие изменения программируются в модусе иллюзии. Всё должно быть подчинено символу количественного накопления. Требования революции разрастаются по мере роста воинственных сил. Точно так же растут общие социальные доходы, соревнующиеся теперь с достижениями частной прибыли. Так капитал входит в новую иллюзорную зрелищную фазу. Старые нужды как всегда давят, но под новыми этикетка-

ми. Бог производства по-прежнему правит, никем ни свегнутый, даже не пошатнувшийся.

Как сладко — подсчитывать себя! Это заставляет ощутить собственную силу. Боссы подсчитывают себя. Тем же занимаемся и мы. Кликуши кликушествуют.

А когда мы перестаём подсчитывать, то убеждаемся, что вещи остались на своих местах. Это даже успокаивает! Если же изменения всё же произошли, мы надеемся, что они нам не помешают действовать, жить и говорить, как прежде. Призраки пронизывают призраков.

Время от времени политика выходит на первый план. Капитал горазд на гениальные развлечения. Тогда социальное примирение охватывает нас. Воцаряется кладбищенская тишина. Иллюзия расширяется до такой степени, что спектакль проглатывает всё. Абсолютная могила. Ни звука. Затем мы вновь открываем для себя общую монотонность и отдельные дефекты мизансцены. Занавес поднимается в непредвиденном месте. Капиталистическая машинерия начинает запинаться. Революционная вовлечённость переоткрывается. Так случилось в 1968 году. Глаза людей едва не вывалились из орбит. Все пришли в ярость. Листовки — повсюду. Горы листовок, памфлетов, газет и книг. Старые идеологические различия выстроились, как оловянные солдатики. Даже анархисты заново открыли самих себя. И даже сделали это исторически, согласно требованиям момента. Все были оболванены. Анархисты — в первую очередь.

Кое-кто очнулся от своей спектакулярной дремоты, оглянувшись по сторонам в поисках пространства и воздуха, обнаружил поблизости анархистов и сказал себе: «Во! Наконец-то! Это те, с кем я хочу быть!». Однако вскоре эти немногие обнаружили свою ошибку. Вещи шли не так, как хотелось бы. Всюду глу-

власти тьмы достигает своего апогея. Мы начинаем верить, что мы совершеннее наших предков и способны реализовать такие теории и принципы, которые являются суммой всех опытов прошлого.

Любой, кто отказывается от этой интерпретации, выпадает по ту сторону истории, прогресса и науки. Следовательно, он — антиисторичен, антипрогрессивен и антинаучен. Он приговаривается трибуналом без апелляций.

Закованные в эту идеологическую броню, мы выходим на улицу. Здесь мы сталкиваемся с реальностью борьбы, которая далеко не всегда согласуется с нашим анализом. В одно прекрасное утро в ходе мирной демонстрации полиция начинает стрелять. Люди реагируют — они тоже стреляют. Анафема! Это же была мирная демонстрация! Если она выродилась в индивидуальные партизанские действия, значит тут была чья-то провокация. Как могла провалиться наша идеальная схема? Она же истинна, как сама реальность! А всё, что ей не соответствует — сумасшествие и провокация.

Супермаркеты растаскиваются, склады с одеждой и оружием разграбляются, роскошные машины сжигаются, особняки опустошаются. Это — очевидная атака на товарный спектакль. Движение идёт в этом направлении. Минимум стратегической организации, максимум внезапности. Никаких теоретических костылей, никаких умозрительных подпорок. Люди атакуют. Они устали от организаций. Они плюют на брошюры, вождей, баланс сил, отношения власти, ожидание, смерть. Их действия есть непосредственная критика самоубийственной концепции «выжидать-и-смотреть», принятой вожаками организаций. И вот опять: анафема! Здесь кроется провокация!

Налицо разрыв с традиционной политической моделью. Этот разрыв одновременно становится критикой революцион-

рода рационалистические политические схемы.

Такие категории, как партия, руководство, авангард, программа, количественный рост, освобождённый труд имеют значение только в рамках этого общества и их использование способствует увековечиванию власти. Когда же вы смотрите на вещи с революционной точки зрения, то есть с позиций тотального уничтожения всякой власти, эти категории утрачивают всякий смысл.

Перемещаясь в нигде утопии, опрокидывая рабочую этику, трансформируя её в радостное «здесь и сейчас» революционной реализации, мы оказываемся в мире, высмеивающем исторические формы организации и соответствующую им идеологию.

Этот мир постоянно движется и всячески избегает кристаллизации. Он определяется самоорганизованной борьбой против работы. Дело не в завоевании средств производства, но в отказе от производства через организационные формы, которые всё время видоизменяются и отменяют сами себя.

Многие из нас бесконечно привязаны к идее революционной организации. Даже анархисты, отказывающиеся от авторитарной модели, не могут помыслить себя вне организационной структуры. Нам кажется, что капитал, определённым образом организованный, может быть разрушен такими же организованными средствами. Различия между авторитарными группами и анархистами велики, но мы все разделяем веру в историческую организацию. Эта вера указывает на нечто крайне важное: на общие истоки рационалистической культуры, объясняющей реальность в терминах прогресса. Эта культура утверждает необратимость истории и настаивает на аналитической функции науки. Это заставляет нас увидеть настоящее как точку, где все усилия прошлого встречаются, где борьба против

пость, пассивность и очковтирательство. В который уже раз. И люди бежали. Они замкнулись в себе. Они распались. Приняли игру капитала. А если не приняли, то были изгнаны. В том числе анархистами. «Вы нам не нужны!».

Машинерия 1968 года произвела на свет лучших слуг общества нового техно-бюрократического государства. Но эта же машинерия породила свои анти-тела. Процесс количественной иллюзии стал очевиден. С одной стороны, система получила свежую кровь, чтобы создать новый тип товарного зрелища, с другой стороны, во всём этом открылась трещина.

Стало совершенно ясно, что столкновение на уровне производства неэффективно. Захватите заводы, пашни, школы, жилые районы и управляйте ими, как это провозгласили старые революционные анархисты. Мы также разрушим власть во всех её формах, добавляли они. Беда, однако, в том, что эти парни не ухватили корней проблемы. Сознывая всю тяжесть и грандиозность задачи, они предпочли проигнорировать её, возложив свои надежды на творческую спонтанность революции. Спонтанность спонтанностью, но они хотели сохранить контроль над производством. Что бы ни случилось, какие бы креативные формы революция ни принимала, мы должны захватить средства производства и т. д. В противном случае враг поразит нас на этом уровне. Тут и начались всякого рода компромиссы. А кончилось всё тем, что построили сцену и разыграли ещё один, даже более отвратительный и убогий спектакль.

Иллюзия имеет свои правила. Всякий, кто хочет извлечь из неё выгоду, должен этим правилам следовать. Первое правило: производство определяет всё. Если ты не производишь, ты не человек и революция не для тебя. Почему мы должны терпеть паразитов? Что, мы обязаны работать за них? Да они хотят, чтобы мы обеспечивали их жизнь, как нашу собственную! И

кроме того, не окажутся ли все эти люди со смутными идеями и претензией вести себя как им хочется, на службе контрреволюции? Что ж, в таком случае лучше отделаться от них сразу. Мы знаем, кто наши союзники и с кем мы хотим быть. Так что давайте-ка организуемся получше и выставим этих проходимцев, и пусть ни один не посмеет поставить свою ногу на стол и спустить штаны.

Давайте организуемся! В специальные организации! Будем тренировать специалистов, изучать техники борьбы на местах производства. Нужно бороться с саботажем производства! Производители будут делать революцию, а мы будем с ними, чтобы они не наделали глупостей, не расслабились, не обленились.

Увы, всё это дрянь. Старая унылая болтовня. Битва на рабочем месте. Битва за рабочее место. Битва против разгильдяйства. Битва за производство.

Когда мы вырвемся из этого круга? Когда перестанем кусать собственные хвосты?

4.

Безобразный всегда находит зеркала, которые делают его прекрасным.

—Де Сад

Какое сумасшествие — любить работу!

С исключительной научной изобретательностью капиталу удалось заставить эксплуатируемых любить эксплуатацию, крестьянина — его верёвку, раба — его цепи.

Идеализация работы по сей день является смертельным недугом революции. Движение освобождения издавна было разъедаемо буржуазной моралью производства. Эта мораль

системы. Это полезно, поскольку вещи изнашиваются.

Есть ещё другие, атакующие власть капитала словесно. Они немало пошумели. Им нравились широкие заявления, и это кое-кого впечатляло. Впрочем, только не боссов, которые хитро использовали весь этот шум для самой деликатной части спектакля. Когда есть нужда в солисте, критических болтунов принято выпускать на сцену. Результат вызывает отвращение.

Спектаклярный механизм товарооборота должен быть сломан через внедрение во внутренние владения капитала, в центры координации системы, в самое ядро производства. Представьте себе этот взрыв радости, этот творческий взлёт, это приключение, эту бесцельную цель!

Сложно, однако, войти в недра капитала радостно, вооружась знаками жизни. Слишком долго революционная борьба несла на себе печать смерти. И вовсе не потому, что грозила смертью боссам и их лакеям, а потому, что пыталась навязать власть смерти людям. В противном случае революция давно бы стала радостью в действии. Такой она и будет, когда научится разрушать структурные условия товарной иллюзии: военнизированной партию, завоевание власти, идеологию авангарда.

Ещё один внутренний враг революционного движения — непонимание. Неспособность увидеть новые условия конфликта. Использование отживших моделей из прошлого, ставших частью товарного спектакля.

Неразличение новой революционной реальности ведёт к скудости теоретического и стратегического осознания революционного потенциала самого движения. И пусть не говорят, что прежде всего необходима атака на врага, а вопросы теоретического характера второстепенны. Подобная риторика насквозь идеологична и ведёт лишь к повторению старых ошибок. В сущности, отказ от реального анализа питает всякого

ностей. Днём мы зарабатываем деньги, а вечером мы можем поиграть в игрушки. По крайней мере, до полуночи.

Нищета и голод по-прежнему правят революцией. Тем временем капиталистическая иллюзия растёт. Она требует новых актёров. Капитал не устаёт удивлять. Он становится всё более изощрённым, он совершенствуется. Новые клоуны поднимаются на подмостки. Новые поколения диких зверей будут одомашнены.

Приверженцы количества, любители арифметики окажутся первыми в длинной очереди комедиантов и будут ослеплены светом рампы. Они продемонстрируют публике своё золото и свои стигматы. Они будут вещать от имени беспощадного божества искупления.

Им так и не удалось избавиться от серого налёта серьёзности. Поэтому самая большая угроза для них — смех. Спектакль не переносит радости. В нём всё уныло и мрачно, серьёзно и правильно, рационально и запрограммированно, и именно поэтому — фальшиво. Актёры силятся хихикать, да выходит хрип.

По ту сторону кризиса, по ту сторону отсталости, по ту сторону нищеты и голода лежит решающее сражение, предстоящее капиталу, — сражение со скукой.

Революционному движению тоже не обойтись без новых битв. Не только против капитала и эксплуатации, но и против самого себя. Скука одолевает революцию изнутри, делая её невозможной, задушенной, потерянной для жизни.

Оставим тех, кому по душе иллюзия капитализма. Куда как сомнительно их счастье доиграть свои роли до конца. Они полагают, что реформы могут что-либо изменить? Ну нет, это всего лишь идеологическое прикрытие. На самом деле они прекрасно понимают, что штопать одеяло — одно из правил

не только чужда эксплуатируемым, но и прямо враждебна им. Профсоюзы не случайно оказались первым звеном коррупции — именно в силу их близости к тем, кто режиссирует спектакль производства.

Настало время противопоставить рабочей этике не-рабочую эстетику.

Мы должны противопоставить удовлетворению иллюзорных нужд, навязанных обществом потребления, удовлетворение естественных человеческих нужд, увиденных в свете первичной, сущностной необходимости — необходимости коммунизма.

На этом пути количественная оценка нужд преодолевается. Необходимость коммунизма трансформирует все остальные нужды и их давление на человека.

Человеческая нищета — следствие эксплуатации — была представлена когда-то как обещание будущего спасения. Христианство и революционные движения шли рука об руку через историю. Мы должны пострадать, чтобы завоевать рай или приобрести классовое сознание, которое приведёт нас к революции. Вне рабочей этики марксистское понятие «пролетариат» потеряло бы всякий смысл. Но рабочая этика — продукт того же буржуазного рационализма, который позволил буржуазии завоевать власть.

Корпоративное сознание проглядывает за ликом пролетарского интернационализма. Каждый сражается в рамках своего собственного сектора. В лучшем случае они связываются с подобными же секторами в других странах — через профессиональные союзы, специальные организации. Могучие мультинациональные корпорации противостоят могучим интернациональным профсоюзам. Давайте сделаем революцию, но сохраним всю машинерию, в основе которой — рабочий

инструмент, этот мифический объект, перешедший в руки пролетариата, но воспроизводящий историческую добродетель буржуазии.

Наследник революции должен стать потребителем и главным актёром завтрашнего капиталистического спектакля. Изначально идеализированный в качестве носителя революции, пролетариат растворяется в будущем идеализированном производстве бесклассового общества. Когда эксплуатируемые осознаются как класс, все элементы иллюзии уже налицо — точно так же, как когда эксплуататоры подаются в качестве монолитного класса.

Для эксплуатируемого единственный путь, ведущий за рамки глобального проекта капитала, — путь отказа от работы, производства и политической экономии.

Однако отказ от работы нельзя смешивать с «недостатком работы» — особенно в обществе, базирующемся на этом недостатке. Маргинализированные ищут работу. Они её не находят. Они вытесняются в гетто. Они криминализируются. Потом всё это становится частью производственного спектакля как целого. Производители и безработные равно необходимы капиталу. Баланс, впрочем, весьма деликатен. Противоречия взрываются и порождают различные формы кризиса. Именно в этом контексте происходит революционное вторжение.

Итак, отказ от работы, разрушение работы — как утверждение необходимости не-работы. Человек может воспроизводить и создавать себя в не-работе через разнообразные формы деятельности. Идея разрушения работы абсурдна, если она рассматривается с позиций рабочей этики. О чём вы говорите? Столько людей стремится к работе, столько безработных вокруг, а вы твердите о разрушении работы? Призрак луддитов возникает и заставляет всех революционеров-которые-читали-

постоянное движение, желание неизвестного, отрицание закона и неподвижности. Когда мы играем, то освобождаемся от груза смерти, навьюченного на нас обществом. Играя, мы оживаем. Игра дарит возбуждение жизнью. В противоположном модусе мы действуем так, как будто это — наша обязанность, словно мы «должны» это делать.

В возбуждении игрую, посрамляющей занудство и принудительность капитала, мы открываем радость. Здесь выявляется возможность разрыва со старым миром и связи с иными целями, ценностями и нуждами. Даже если радость не может рассматриваться в качестве человеческой цели, она, несомненно, есть привилегированное измерение. Радостное столкновение с капиталом — нечто совершенно иное, нежели унылая борьба за власть, особенно если радость в борьбе преследуется сознательно.

7.

Жизнь скучна, и всё, что нам в ней оставлено — покупка очередной юбки или рубашки. Каково же ваше истинное желание, братья и сестры? Сидеть в кафе, глядеть в пустоту, пить водянистый кофе? Или, быть может, ВЗОРВАТЬ ВСЁ ЭТО И СЖЕЧЬ К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ?!

—The Angry Brigade

Великий спектакль капитала поглотил нас до самой макушки. Актёры и зрители меняются. Мы усваиваем роли, либо уставясь с разинутым ртом на других, либо заставляя соседей глазеть на нас. Мы соревнуемся за место в хрустальной карете, хотя знаем, что это — всего лишь тыква. Чудесное обаяние божьей матери оказалось сильнее наших критических способ-

щий отказа от заданных условий и ценностей капитала. И здесь всё начинается с отказа от работы как базовой «ценности». Поиск радости может реализоваться только в поиске игры.

Игра имеет совсем иное значение, чем то, которое мы ей приписываем в условиях капитала. Игра, отвлечённая от жизни (как и безмятежная праздность) — искусственный, искажённый образ того, чем она действительно является. Подлинная игра проявляется в столкновении и наступлении на капитал. Таким образом, игра — не «времяпрепровождение», но борьба; не «досуг», но оружие.

В этом мире вещи оказались перевёрнуты. Если настоящая, многозвучная жизнь — нечто полноценное, то смерть — иллюзия, ибо покуда мы живы, смерти не существует. Тем не менее вокруг господствует смерть, то есть капитал, который отрицает наше существование как человеческих существ и редуцирует нас к предметам — дисциплинированным, серьёзным и методичным. Однако постоянный нажим капитала, его этическая строгость, его установка на производство скрывают грандиозную халтуру: тотальную пустоту товарного спектакля, глупость безграничного накопления, абсурдность эксплуатации. И чем более серьёзен мир работы и производства, тем больше он отказывает в серьёзности миру жизни и игры.

Наоборот: сопротивление этому дурацкому миру, преследование радости, поиск мечты или утопии скрывают в своём очевидном «недостатке серьёзности» самую серьёзную вещь в мире — отказ от смерти.

В физической конфронтации с капиталом игра принимает разные формы. Многие вещи можно делать «играючи» — при условии, что мы сбросили маску серьёзности, то есть смерти, которая надета на нас капиталом.

Игра определяется жизненным импульсом, суть которого —

всю-классику содрогаться от ужаса. Строгая модель фронтальной атаки на капиталистические силы не может быть поколеблена. Все провалы и страдания прошлого ничему не научили, как и все предательства, весь позор, всё мракобесие. Вперёд, товарищи, лучшие дни впереди! Снова вперёд! Ура!

Было бы неплохо показать, как идея «свободного времени» (временной приостановки работы, отдыха, развлечений) используется сегодня, чтобы не только соблазнить, но и запугать пролетариев, загнать их назад в затхлые подвалы классовых организаций (партий, профсоюзов и т. д.). Эта спекуляция, облюбованная бюрократами и дельцами индустрии отдыха, специально придумана, чтобы заморочить и запутать, заболтать и заморозить. Ещё одно идеологическое прикрытие — одна из многих уловок в тотальной войне капитала.

Необходимость коммунизма изменяет всё это. Она перемещает не-работу из негативной сферы (отсутствие работы) в позитивную: полная обращённость индивидов к самим себе, возможность выражать себя совершенно свободно, разрыв со всеми ограничивающими моделями — даже теми, которые обычно рассматриваются как фундаментальные и неотторжимые. Например, модель производства.

Однако революционеры — люди долга, а потому не хотят рвать со всеми моделями. По крайней мере, не с моделью пролетарской революции. Революционеры боятся: а вдруг они лишатся своей роли в жизни?! Встречали ли вы когда-нибудь революционера без революционного проекта? Проекта, который хорошо выражен и ясно высказан массам? Что это за революционер, требующий уничтожения моделей, важных для всякого революционера? Атакуя такие концепты, как количество, класс, проект, модель, историческая задача и другие древние атрибуты, вы рискуете оказаться ни с чем, то есть

столкнуться лицом к лицу с реальностью, с необходимостью действовать, а не болтать. Действовать, пусть даже скромно, но революционно, как миллионы других людей, делающих революцию ежедневно, не вступая в организации, не напяливая идеологические маски, не ожидая знаков великого дня. А для этого нужна отвага.

Со строгими моделями и уютными количественными играми вы остаётесь в рамках иллюзорного проекта революции, в границах капиталистического спектакля. Разрушая этику производства, вы напрямую вступаете в революционную реальность.

Трудно даже говорить о подобных вещах. Может быть, не имеет смысла разбирать их на страницах трактата. Редуцировать эти проблемы к полному и последнему анализу будет явным промахом. Гораздо лучше обсуждать их в неформальной дискуссии, не чуждаясь магии словесной игры и дружеского спора.

Очевидное противоречие — говорить о радости серьёзно.

5.

Тяжелы летние ночи. Плохо спится в крошечных камерах.

Это — Канун Гильотины.

—Зо д'Акса

Эксплуатируемые тоже находят время на игру. Однако их игра безрадостна. Она — мрачный ритуал. Смерть, стерегущая свою минуту. Приостановка работы, дабы сбросить груз насилия, накопленный за время производства. В иллюзорном мире товаров игра — та же иллюзия. Мы воображаем, что играем, то-

Нам всем кажется, что мы испытывали радость. Любой считает, что был счастлив хотя бы раз в жизни.

Однако этот опыт радости почти всегда оказывался пассивным. «Так уж случилось», что мы радовались. Мало кому удавалось заставить радость появиться в нужный момент.

Этот водораздел между радостью и нами связан с тем, что мы «отделены» от самих себя, разделены надвое процессом эксплуатации.

Мы работаем целый год, чтобы пережить «радость» каникул. Когда они наступают, мы «обязаны» радоваться самому факту, что у нас каникулы. Что это, если не форма пытки, как и всё остальное? То же относится к «выходным». Мёртвые дни. Переживание иллюзии свободного времени обнажает поразительную пустоту меркантильно-полицейского общества, в котором мы живём.

Тот же пустой взгляд перемещается с бутылки пива на экран телевизора, с зелёного поля стадиона на лицо собеседника, с неоновой рекламы на архитектурный ансамбль.

Искать радость в глубинах одного из многочисленных нарративов капитала было бы истинным безумием, однако капитал делает ставку на таких искателей. Переживание развлечений и свободного времени, запрограммированных боссами, самоубийственно. После этого опыта хочется вернуться к работе, столь же смертоносной. Выбор между двумя смертями — вот что нам обеспечено.

Истинная радость не имеет ничего общего с рациональными механизмами капиталистической эксплуатации. Радость не знает границ и правил, и чужда каталогизации. Тем не менее мы должны искать и желать радость. В противном случае мы потеряны.

Отсюда следует, что поиск радости — волевой акт, требую-

производить что-либо отдельно от природы, а затем включить это в природу. Тогда производство нетрудно остановить в любой момент, когда нужно. Радость же станет бесконтрольной. Она будет новой силой, неведомой нынешним цивилизованным рабам. Радость — начало, способное бесконечно приумножить творческий импульс революции.

Не существует такой вещи, как освобождённый труд. Не существует и свободного от специализации синтетического (мануально-интеллектуального) труда. То, что есть — это разделение труда и продажа рабочей силы. Одним словом: капиталистическое производство. Революция же — это отрицание труда и утверждение игры. Любая попытка навязать идею работы, «справедливого труда», производства без эксплуатации, «самоуправления», «целостного процесса труда» — мистификация.

Концепт «самоуправления» действителен только как форма борьбы против капитализма. Самоуправление — это прежде всего борьба без вожаков. Если же борьба отсутствует, самоуправление превращается в самоуправление своей эксплуатацией. В случае же, если борьба приводит к победе, самоуправление становится ненужным, потому что после революции организация производства контрреволюционна.

6.

В тот миг, когда ты сам бросаешь мяч, ты просто счастлив. Когда же его ловишь — мяч, брошенный товарищем в игре, — строительство божественных мостов являет тебе свою силу.

—Рильке

гда как на самом деле наше занятие — монотонное повторение ролей, уготованных для нас капиталом.

Когда в нас просыпается сознание эксплуатации, первое, что мы испытываем — чувства обиды и мести, и последнее — радость. Освобождение видится как исправление ложного баланса, созданного злой волей капитала, но отнюдь не как становление мира игры, который разрушит мир работы.

Это — первая стадия атаки на боссов. Стадия мгновенного осознания. Нас поражают — и отвращают! — все эти цепи, хлысты, тюремные стены, половые и расовые барьеры, государственные границы. Всё это должно быть снесено. И мы вооружаемся и бьём по противнику заставляем его платить за содеянное.

В это время — в Ночь Гильотины — закладываются основания нового спектакля. Капитал напивается крови: сначала падают головы боссов, потом — головы революционеров.

Невозможно осуществить революцию на эшафоте. Плаха — гардеробная власти. Мечь — ночной колпак Деспота. Всякий, кто помышляет о возмездии, нуждается в вожде. Вот он — вождь, ведущий к победе, восстанавливающий попорченную справедливость. Кто вопиет о возмездии, мечтает получить во владение то, что было у него отнято. Вплоть до высшей абстракции — апроприации прибавочной стоимости.

Мир будущего должен стать миром, где все работают. Великолепно! Так нам навязывают новое отвратительное рабство, скрыться от которого смогут лишь те, кто будет всем этим управлять, то есть очередные боссы.

Тем не менее, старые боссы должны заплатить за свои несправедливости. Отлично! Революция братается с христианской этикой греха, судилища и воздаяния. С другой стороны, концепты «долга» и «платежа» — не иначе, как меркантильного

происхождения.

Всё это — часть спектакля. Даже если пьеса не написана боссами, постановка рано или поздно окажется в их руках. Перераспределение ролей — обычное условие подобного рода зрелищ.

Быть может, в какой-то момент классовой битвы это даже необходимо — атаковать власть, вооружась орудиями мести и наказания. Иногда движение освобождения не располагает ничем иным. Тогда Час Гильотины неотвратим. Но революционеры должны помнить о том, насколько ограничено это оружие. Нельзя обманывать себя и других.

В параноидальных рамках рационализирующей машины — а это и есть капитализм — концепт революции возмездия легко становится частью спектакля, поскольку он вписывается в логику производства. Процесс производства развернулся с благословения экономической науки, но в действительности он основывается на иллюзорной антропологии разделения труда. Возмездие — специализированная задача рабов революции в правильный момент переворота. Затем на сцену вновь выходят счастливые производители во всей их красе и мощи.

Нет никакой радости и наслаждения в работе, даже если она основывается на самоорганизации. Революция не может быть сведена к простой реорганизации работы. Это исключено.

Нет никакой радости в жертвоприношениях, смерти и возмездии. Также нет никакой радости в подсчитывании и расчитывании себя. Арифметика — отрицание радости.

Тот, кто желает жить, не производит смерть. Даже временное приятие гильотины ведёт к её институционализации. Но верно и другое: тот, кто любит жизнь, не обнимает своего угнетателя. Поступать так — означает, что ты против жизни и на стороне смерти, жертвоприношения и работы.

Века эксплуатации накопили на кладбище работы огромную гряду смердящей мести. Вожаки революции восседают на этой гряде без движения, без мысли. Они силятся извлечь из своей ветоши наибольшую выгоду. И если уж ждать следующей вспышки мстительной ярости, пусть она обрушится не только на старых, но и на новых боссов. Пусть осквернит все символы и флаги. Пусть испепелит все лозунги и анализы. Пусть уничтожит идеологию производства.

Рабочая этика убивает движение освобождения. Тот, кто верит в работу и мечтает о захвате средств производства, трепещет в ужасе перед слепотой разрушения. Старые боссы умели организовать производство, пустить в ход машину эксплуатации. Революционные боссы тоже полагают, что без организации нет освобождения. Производство должно сохраниться во что бы то ни стало.

Таким образом, рабочая этика — разновидность христианской этики самопожертвования, то есть этика боссов, регулярно устраивающих исторические бойни и одновременно благословляющих производство и производительность. Сплошное надувательство!

Пора осознать, что рабочая этика — это основание количественного революционного проекта. Аргументы против работы бессмысленны, если они исходят со стороны революционных организаций, подчинённых логике количественного роста.

Однако отмена рабочей этики и утверждение на её месте эстетики радости вовсе не означает конец жизни, как полагают некоторые взволнованные товарищи. На вопрос: «А что мы будем есть?» следует просто ответить: «Да то, что мы произведём». Только производство уже не будет измерением, определяющим человека. Оно станет областью игры и радости. Можно